

Наум Ефимович Застенкер

Роберт Оуэн как мыслитель

У каждого из основателей критико-утопического социализма начала XIX в. был особый личный путь к социализму. Он не был одинаков даже у французских великих утопистов, которых объединяло то, что они подвергли критике буржуазное общество, еще только вступающее на путь промышленной революции. Сен-Симон и Фурье избрали совсем несхожие отправные пункты: у одного критика направлялась против господства паразитических элементов, сановной бюрократии, военщины, знати и непромышленной буржуазии; у другого — против пороков и крайних уродств взаимоотношений внутри собственнических классов.

Тем большими особенностями отличался путь к социализму великого английского утописта, который формировался в иной исторической обстановке.

Долгая жизнь Оуэна почти в точности совпала с хронологическими рубежами промышленной революции в Англии. Его зрелые годы падали на ее апогей, его преклонные лета — на ее завершение. Это определило социальную обстановку, в которой складывалось мировоззрение Оуэна. В Англии впервые отчетливо обнаружили характерные проявления всеобщего закона капиталистического накопления — необычайная поляризация богатства и бедности, ужасающие бедствия формирующегося промышленного пролетариата, ускоряющаяся пауперизация всех трудящихся классов, постоянный рост армии безработных, нравственное одичание буржуазного общества.

Стремление объяснить всю эту непомерную противоречивость социального развития Англии, равно как и попытки найти оправдание ужасающей участи пролетарских масс, — самое характерное явление для английской общественной мысли конца XVIII — начала XIX в. Лишь очертив то место, какое занял Оуэн в борении идей своего времени, можно правильно оценить его как мыслителя. Это место невозможно определить, если традиционно видеть в молодом Оуэне лишь преуспевающего фабриканта-филантропа.

Конечно, Оуэн не был пасынком капитализма, какими стали Сен-Симон и Фурье. Он действительно являлся одним из способнейших дельцов своего времени. Энгельс характеризовал его как

человека с детски чистым, благородным характером и в то же время как прирожденного руководителя, каких немного¹. А. И. Герцен называл Оуэна «фаворитом вселенной» и тут же добавлял: «странный человек, апостол между фабрикантов»².

В сплаве таких противоречивых черт маячется привычный облик преуспевающего бизнесмена. Английский «апостол-фабрикант» был весьма образованным человеком, и его увлеченность просветительной философией была не данью моде, а плодом настойчивых поисков ищущей мысли.

Смолоду Оуэн был активным членом манчестерского литературно-философского общества и являлся своим человеком в кружке химика Дальтона, где страстно спорили о Руссо, Гельвеции и Годвине. Именно в такой идейной среде у Оуэна и мог зародиться вопрос, который затем лег в основу его знаменитого социального эксперимента в Нью-Ленарке: «Возможно ли посредством замены плохих условий хорошими освободить человека от зла и преобразовать его в интеллигентное, разумное, доброе существо?» И в этом вопросе, и тем более в экспериментальном ответе на него было бы неправильно видеть проявление лишь буржуазного филантропизма. Скорее в них можно усмотреть яркий отблеск глубокой мысли Оуэна.

Хотя нью-ленаркский эксперимент не выходил за рамки буржуазного просветительства, все же он был образцом редкой творческой смелости. Оуэн несомненно сознавал, что бросает вызов всем предложенным объяснениям причин социальных бедствий, связанных с промышленной революцией в Англии. В то время как правящие классы перекладывали свою ответственность за бедствия трудящихся на самих трудящихся, Оуэн разрушал этот обман, он искал реальные причины бедствий рабочего класса.

Нью-ленаркский опыт и известный вывод Оуэна, что «характер человека создается не им, но для него», что здесь открывается «новый взгляд на человеческое общество», на возможность радикального улучшения жизни людей, нанесли удар по основным течениям современной Оуэну буржуазной общественной мысли. Прежде всего это был разящий удар по мальтузианской теории, которая приобретала в Англии уже почти аксиоматический характер. Нью-ленаркское «чудо» наглядно опровергало циничные утверждения Мальтуса, будто нищета, страдания и нравственное одичание масс обусловлены не зависящим от воли людей «естественным законом пародонаселения». Успех оуэновского эксперимента демонстрировал всю фальшь этой чело-веконенавистнической теории.

Нью-ленаркский опыт подрывал также один из главных идеологических устоев английского, и не только английского, общества — религиозную догму о греховной природе человека. Не слу-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 198.

² А. И. Герцен. Собр. соч., т. XI. М., 1957, стр. 210.

чайно церковники быстро раскусили подрывной для них смысл оуэновского эксперимента и задолго до того, как Оуэн объявил существующие религии одним из главных зол и бедствий человечества, англиканская церковь повела яростную борьбу с нью-ленаркским фабрикантом, несмотря на всю его тогдашнюю репутационную славу.

Но стрелы нью-ленаркского опыта летели намного дальше. Чувствительный удар ощутила и классическая политическая экономия, утверждавшая себя в общественном мнении как подлинная наука о благосостоянии всего общества.

Буржуазные экономисты быстро оценили в нью-ленаркском опыте убедительнейшее опровержение луддитского антикапитализма. В то же время они не могли не заметить и скрытой опасности оуэновского эксперимента, поскольку им сводился с пьедестала классический постулат о *laissez-faire*. Более того, Оуэн низлагал этот фритредерский постулат способом, воплощавшим на практике, по сути дела, то же самое, чего добивались стихийно, в силу классового инстинкта, рабочие каждым актом отпора предпринимательскому произволу.

То был поучительнейший пример исторической диалектики, которая наполнила новой воинственной силой буржуазную просветительную теорию XVIII в., направленную против апологетических учений капитализма, провозглашавших отказ от вмешательства общества в деятельность предпринимателей. Эта историческая диалектика позволила Оуэну, отправляясь от идеологических посылок, отнюдь не пролетарских, произнести в Нью-Ленарке первое слово политической экономии рабочего класса — выдвинуть требование охраны его обществом, как своей главной производительной силы. Оуэн не сознавал еще всей противоположности сказанного им слова капиталистической экономической теории. Есть ирония истории в том, что начало конфронтации принципов политических экономий труда и капитала можно датировать с жарких споров вокруг нью-ленаркского эксперимента и новой теории общества, какие приходилось вести Оуэну в кругу друзей. Среди них были корифеи тогдашней английской буржуазной теоретической мысли Дж. Милль, Ф. Плейс, Д. Рикардо, И. Бентам, и в автобиографии Оуэн свидетельствовал, что в этих дружеских спорах он оставался неизменно в меньшинстве, объясняя это закоренелыми либеральными предрассудками своих именитых друзей³.

Но жизнь вносила поучительные поправки в эту наивную версию. Те же споры вскоре были перенесены в парламентские комитеты, на страницы газет, на митинги в Сити, а в дальнейшем и на площади. В конце концов рабочее движение заставило господствующие классы Англии уступить и согласиться с впервые

выдвинутым Оуэном принципом политической экономии пролетариата.

Нельзя недооценить, наконец, и того, насколько нью-ленаркский опыт задевал всю социальную теорию английского радикализма.

В Англии конца XVIII — начала XIX в. ранее всего проявилось то, что потом многократно повторялось в истории других капиталистических стран: буржуазно-демократические течения общественной мысли выдвигали на передний план политическое объяснение социальных бедствий капитализма. Английские радикалы объявляли, как известно, причиной всех причин олигархическую систему, политическое неравенство, несправедливейшее налоговое бремя, ведущее к разорению нации, и т. д. Нью-ленаркский опыт заставлял отказываться от этого поверхностного объяснения, и выводы Оуэна вели к самой решительной критике промышленной буржуазии. Не случайно английские радикалы были так задеты славой Оуэна, что заподозрили в нем орудие торийского правительства, стремящегося нью-ленаркским «чудом» удерживать массы от борьбы за политическую реформу⁴.

Справедливости ради следует отметить, что масло в огонь гнева радикалов подливали сами правящие круги Англии, проявлявшие тогда, вплоть до Бэкингемского дворца, показное благоволение к нью-ленаркскому кудеснику по соображениям охранительного порядка. Но тори, стоявшие у власти, и наследник престола герцог Кентский, который афишировал поддержку реформаторских идей Оуэна, судили о них и о нью-ленаркском опыте еще более поверхностно, чем радикалы. Можно вспомнить здесь о пророческих словах талантливейшего литератора Уильяма Хэзлитта, слывшего самым метким наблюдателем людей и нравов своего времени. Он страстно обличал капиталистические порядки в Англии и их апологетов Мальюса и Бентама, но не поспешил на ироническую критику и в адрес Оуэна, высмеивая его как образец человека «одной идеи», одержимого открытием нового рецепта улучшения участи всех людей. В 1816 г., когда Оуэн был в апогее нью-ленаркской славы, Хэзлитт писал: «Пусть только его «новый взгляд на общество» приобретет много последователей, и мы тотчас же увидим, как течение мысли повернется и раздастся истошный крик; его поднимут все те добрые и мудрые люди, все те «острые умы», которые, как уверяет нас м-р Оуэн, не смогли найти никакой ошибки в его рассуждениях. Тогда они быстро обнаружат изъяны в его репутации..., во всех концах Соединенного Королевства он будет заклеен как якобинец, левеллер и поджигатель, друзья его будут избегать, а для своих врагов он станет воплощением зла»⁵.

³ R. Owen. The Life of Robert Owen Written by Himself, vol. I. London, 1857, p. 103—104.

⁴ Интересные материалы по этому вопросу приводятся в кн.: Е. Б. Черняк. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М., 1962.

⁵ W. Hazlitt. Collected Works, vol. 3. London, 1902, p. 126.

Хэзлитт зорко усмотрел то, что впоследствии сознавал и Герцен: «Этот проклятый New Lanark вообще костью стоит в горле людей, постоянно обвиняющих социализм в утопиях.»⁶ Пророчество Хэзлитта исполнилось, как только бесстрашная мысль Оуэна поднялась на новую ступень.

Решающий новый шаг в своем идейном развитии Оуэн сделал в процессе мужественной борьбы за законодательное ограничение эксплуатации промышленниками детского труда и за решение острейшей проблемы безработицы, свирепствовавшей в Англии в годы экономического кризиса, наступившего после окончания антифранцузских войн и крушения наполеоновской империи.

В создавшейся в 1817—1820 гг. в Англии критической обстановке быстрее должны были дать себя знать взрывчатый элемент в оуэновских выводах из нью-ленаркского опыта. Взрывчатка эта воспламенилась не только от огненной логики мысли Оуэна, но и под воздействием жизненных уроков, которые преподносили ему господствующие классы, дававшие отпор всем его реформаторским проектам.

Уроки классовой борьбы выступали перед Оуэном в виде все более оголенного эгоизма правящих верхов при обсуждении его предложений о фабричном законодательстве в защиту детей и о «поселках общности» для безработных. Оуэн рассказывал в автобиографии, как ему постепенно открывался «глубоко скрытый разговор высших классов» — и в циничной отповеди, какую ему дал барон фон Гентц, правая рука Меттерниха, и в яростной брани английских церковников, и в митингах протеста против его проектов в Сити, и в полном искажении его законопроекта об охране детского труда в том жалком законе, какой принят был английским парламентом в 1818 г. Оуэн уверял, что все это открыло ему глаза на то, какие преграды ему предстоит преодолеть в борьбе за осуществление своих планов. По словам Оуэна, он тогда же пришел к выводу, что ему необходимо «соединить мудрость змия, голубиную кротость и мужество льва»⁷.

Если это последнее признание верно, то нетрудно заметить, что Оуэн не смог осуществить своего намерения. Мenee всего отвечали «мудрости змия» и даже элементарному тактическому разуму его острые нападки в ханжеской Англии одновременно на частную собственность, на буржуазный брак и на все существующие формы религии, хотя Оуэн атеистом не был и в своем скептическом отношении к религиозным распрям не выходил за рамки свободы совести и рациональной религии. Но последний пункт своего плана действий Оуэн бесспорно осуществил. Он действительно показал «мужество льва», когда масса накопившихся у него наблюдений и размышлений о причинах социальных бедствий приблизилась к критической.

В докладе 1820 г. графству Ленарк Оуэн увенчал свой вызов капиталистической теории твердым выводом о повелительной необходимости и практической возможности обеспечить нравственное совершенство, благополучие и счастье всех людей с помощью создавшейся машинной фабричной системы, при условии ее изъятия из рук частных владельцев и замены частной собственности на могучие общественные производительные силы собственностью самого общества. Такой смелый вывод заслуживает пристального внимания при оценке Оуэна как мыслителя.

Прежде всего, следует оценить взлет теоретической мысли, которым отмечен был этот вывод Оуэна. Наследие всех английских социальных мыслителей — критиков капитализма — содержало непремешные lamentации и проклятия по адресу промышленного переворота и фабричной системы. Уоллес, Огильви, Спенс, Годвин, Холл в разных вариантах проповедовали уничтожение фабричной каторги и возвращение пролетариев на землю и к мелкому производству, ремеслу и мануфактуре. Философские и моральные построения такого рода на определенном этапе исторического развития соответствовали помыслам и действиям первых поколений английского пролетариата, выливавшимся в промышленный и сельскохозяйственный луддизм.

Бессмертной заслугой Оуэна было то, что он первым преодолел это наследие английской социальной критики XVIII в. Оуэн не только повторил древнюю мысль о том, что путь к наилучшему общественному строю прокладывается человеческим сознанием, волей и моралью, но он внес сюда драгоценное добавление: путь к нему есть путь развития производительных сил. Доказывая это, Оуэн создал новое учение о производительных силах, об их необратимом прогрессе. Он наносил теперь «закону» Мальтуса еще один удар с помощью другого неисторичного, но весьма оптимистического «закона». Оуэн доказывал, что прогресс всегда шел так, что рост производительных сил, создаваемых человеком, опережал прирост населения земного шара. Все дело в том, что могучие производительные силы ныне «дурно прилагаются» и «безрассудно растрачиваются», тогда как человек должен подчинить своей воле «волшебную силу машин».

Ход мыслей Оуэна логически вел его к выводу об исторической роли машинной техники для будущего человечества. Сделав этот гениальный вывод, Оуэн первым оценил все значение промышленной революции, он первым увидел в фабрике истинные ворота в будущее.

Основоположники научного коммунизма превыше всего ценили этот вывод Оуэна и связанные с ним экономические и исторические построения. Маркс и Энгельс видели в них не внезапное озарение ума индустриального капитана, ориентирующегося с помощью компаса своего личного промышленного опыта, а величайшее достижение теоретической мысли Оуэна. Маркс писал в «Капитале», что Оуэн «не только фактически исходил в своих

⁶ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XI, стр. 228.

⁷ R. Owen. The Life, vol. I, p. 184.

опытах из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции»⁸.

Этот важнейший отзыв Маркса об Оуэне хорошо объяснит нам нередко ложно толкуемые характеристики Энгельса, указывавшего на то, что коммунизм Оуэна носил «практический характер» и возник как плод «коммерческого подсчета», сопровождавшегося подробными вычислениями, планами и чертежами⁹. Указания на присущие Оуэну практицизм и конкретность, на деловое обоснование, на важнейшее доказательное значение, придаваемое Оуэном экспериментам и практике, часто противопоставляются теоретическому мышлению, чтобы изобразить великого английского социалиста прагматиком и эмпириком чистой воды. Но такое противопоставление ошибочно, конкретность логических посылок, переходов и заключений у Оуэна вовсе не означали немощи теоретического мышления и не были свидетельством доведенного до делячества прагматизма, а были особенностью оригинального теоретического мышления. Об этом свидетельствовали острая и размышляющая наблюдательность Оуэна, глубина его анализа действительности, умение выделять в ней наиболее показательное и сама отвага мысли.

Во многих вопросах Оуэн смог подойти ближе, чем Фурье и Сен-Симон, к воплощению тех чаяний, коими жили лучшие умы человечества, мечтавшие о коммунизме. Реформаторский план Оуэна отвергал буржуазно-компромиссное решение проблемы собственности на средства производства и намечал создание последовательного строя общественной собственности.

В коммунистических проектах Оуэна, подкреплявшихся практическими выкладками крупного промышленного организатора, воплощалось царство индустриальной техники и осуществлялась максимальная механизация производства и быта, которая должна была обеспечить все условия для расцвета человека как производителя и творца, для ликвидации противоположности физического и умственного труда, для развития культуры и досуга свободных людей и занятий науками и искусствами. Оуэн прозорливо предсказывал, что в таких условиях будут наращиваться движущие силы развития коммунистического общества, так как наука полностью раскроет свой имманентный и перманентный динамизм. Поясняя свою мысль, Оуэн писал впоследствии: «Истинное знание не ведет к самоуспокоению, но создает все возрастающее стремление двигаться вперед по его пути со ступеньки на ступеньку без расположения отдохнуть или сказать: „довольно, мы больше не желаем!“»¹⁰.

Тем более требует объяснения такая слабая сторона оуэновских коммунистических проектов, как предусматривавшееся в них

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 512.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 200.

¹⁰ R. Owen. The Book of New Moral World, part III, ch. VII. London, 1836, p. 52.

дробление будущего общества на автономные кооперативные производственные ячейки, вступающие между собой в договорные отношения, никак не создающие целостного общенационального, а затем и всемирного хозяйства. Хотя Оуэн и предрекал быстрое распространение коммунистического строя из Англии на весь земной шар, бросается в глаза, что в плане Оуэна очень примитивно решалась как раз проблема кооперации в широком смысле слова — проблема разделения труда, сотрудничества, форм взаимопомощи и обмена между кооперативными поселками в одной стране и в международном масштабе.

Как объяснить это у такого талантливого промышленного организатора, личный опыт которого должен был бы подсказать ему всю необходимость решения этих проблем, без чего невозможна крупная машинная индустрия?

Если такой осведомленный промышленник обходил данные вопросы или отделялся от них туманными общими рассуждениями, то это можно объяснить лишь нежеланием и незнанием. Возможно, здесь выразилось нежелание Оуэна усложнять предлагаемое им решение и подставлять критике его уязвимые места. Но еще сильнее, по-видимому, сказывалось незнание того, как практически решить эти проблемы в рамках независимого существования каждого кооперативного поселка и при ликвидации товарно-денежных отношений, основанных на анархической игре спроса и предложения, которая и приводит к бедствиям экономических кризисов.

К этим же слабостям можно отнести и нелепую фантазию Оуэна о сочетании в коммунистических кооперативных поселениях высокомеханизированного индустриального производства с «лопатым» земледелием.

Во всех этих слабостях оуэновского кооперативного коммунизма очевидным образом сказывалось влияние того, что Энгельс называл в воззрениях Сен-Симона «буржуазным направлением» мысли, соседствующим с пролетарским направлением¹¹. Пример Оуэна убеждает, что «буржуазному направлению» мысли в той или иной мере отдавали дань все великие утописты начала XIX в. Влияние его отягощалось у Оуэна тем, что реформаторские проекты составлялись им, как правило, применительно к духовному рациону промышленника и дельца, в том числе и дельца политического, рассматривающего социальную проблему сквозь призму представлений и действий инициативного предпринимателя, в психологии и привычках которого аккумулировались многовековые традиции буржуазной индивидуальной предприимчивости. Ведь Оуэн разрабатывал производственно-кооперативный план, рассчитанный на немедленное осуществление. Он ставил своей непосредственной задачей развязать множество практиче-

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 191.

ских инициатив и вызвать к жизни ряд коммунистических Нью-Ленарков, опыт которых должен убедить всех и вся.

Подобное намерение, во всяком случае на первых порах, исключало какое-либо организованное в национальном масштабе и централизованно управляемое производство.

Притом от Оуэна требовался немедленный и убедительный ответ на неизбежный вопрос: «А как Вы практически решите, мистер Оуэн, проблему безработицы в ваших кооперативных поселках?» «Лопатное земледелие» и было попыткой ответить на этот проклятый вопрос мерой, обещавшей немедленно занять все рабочие руки в агропромышленных коммунистических кооперативах.

Другой ответ, который исходил бы из понимания закономерности быстрого роста спроса на промышленные и сельскохозяйственные продукты, а тем более из громадного расширения внутреннего и международного рынков, был Оуэну недоступен: ответ такого рода опрокинул бы всю экономическую схему его реформаторского плана, основанного на мысли о необходимости ликвидации товарно-денежного обращения, этого явного источника экономических потрясений общества, уничтожения крайней социальной поляризации, бесчестной наживы паразитических эксплуататоров труда и замены всего этого непосредственно обобществленным трудом.

Как и в философской сфере, Оуэн здесь оставался человеком Просвещения; его экономическая теория, несмотря на все заимствования у трудовой теории стоимости, сохраняла ограниченный моральный характер. Она могла породить лишь вспомогательные и переходные проекты безденежного обмена, утопическую идею обреченных на неудачу «меновых базаров».

Тем не менее ложная теория не сковала мысли Оуэна и не притупила остроты его взгляда на реальную действительность. Как раз нескованность мысли и далеко не кабинетный опыт Оуэна, равно как особое значение, какое он придавал доказательности практики, обостряли способность великого утописта глубоко подмечать новые явления социальной действительности независимо от того, согласуются ли они с собственной теорией, что давало возможность вносить в нее целебные поправки. Пример Оуэна поучительно показывает, как бесстрашие мысли и твердая последовательность могут помогать даже при недостаточном знании двигаться вперед. Оуэн сумел в ряде пунктов продвинуть социалистическую мысль далеко за пределы просветительской теории и обогатить ее новыми, материалистическими открытиями, крупными знаниями, создававших социальную науку. Конечно, при этом неизбежно рвалась ткань предвзятых построений и возникали противоречия между наблюдениями действительности и теоретическими выводами. К чести Оуэна, следует констатировать: с ним это как раз и случилось, когда он показал, что ни просветительная философия, ни учение о среде и харак-

тере не окаменели его мысли. Она оставалась открытой для восприятия нового жизненного опыта, создаваемого рабочим движением. Именно с этой стороны шли к Оуэну наблюдения и умозаключения, прорывавшие слабую ткань его просветительского мировоззрения.

Если до превращения Оуэна в коммуниста воздействие на него английского рабочего движения состояло в том, что бедственное положение рабочего класса делалось отправным пунктом всех его реформаторских проектов, то сфера этого воздействия намного расширилась, когда Оуэн, вернувшись в Англию после провала эксперимента с созданием на американской почве коммунистического поселения «Новой Гармонии», стал принимать активное участие в рабочем движении.

Деятельность Оуэна в ближайшие годы после возвращения на родину вписала одну из самых поучительных страниц в историю утопического социализма. Этот новый этап жизни великого утописта отразил значительные перемены в английском рабочем движении, бурный рост активности рабочего класса, добившегося известной легализации тред-юнионов и придавшего неотразимую силу демократическому движению за парламентскую избирательную реформу.

Наиболее впечатляющей переменой для Оуэна было проникновение его реформаторских идей в среду английского рабочего актива и возникновение в Лондоне и ряде провинциальных городов оуэнистского кооперативного движения передовых рабочих и ремесленников. Исторической особенностью этого движения было то, что оно развивалось в непосредственной связи с обострением классово-борьбы, с возрастающей потребностью в организованном рабочем отпоре эксплуататорам-промышленникам. В таком плане развивали идеи Оуэна и пропагандировали тред-юнионистам и рабочему активу первые выдающиеся теоретики рикардиянского социализма Томпсон и Годскин. Им принадлежала инициатива внедрения в английскую рабочую мысль оуэновского кооперативизма в годы, когда сам Оуэн был еще поглощен американским экспериментом с «Новой Гармонией».

Изначальная сила этой пропаганды состояла в том, что рабочим открывался в «кооперативах общности» ответ на предпринимательские локауты. Рабочие увидели в кооперативах «по Оуэну» демонстрацию того, что пришел конец всемогуществу и произволу предпринимателей, что созрела возможность создания общественного строя, при котором контроль над промышленностью перейдет в руки рабочих. Этот строй мыслей делал роль тогдашнего кооперативного движения в классовом развитии английского пролетариата довольно противоречивой.

С одной стороны, проникновение в рабочий актив реформаторских идей оуэновского кооперативного коммунизма порождало новые иллюзии о возможности мирного переустройства капиталистического общества. Оуэновский кооперативизм стал источ-

ником, питавшим эти иллюзии в наиболее податливых прослойках рабочего класса. Не случайно ядро оуэнистского кооперативного движения составили рабочие ремесленного типа и ручного труда, которым всего доступнее была утопическая надежда на возможность освобождения от капиталистической эксплуатации путем объединения собственных рабочих средств — инструментов и рабочих рук. Но кооперативное движение того времени явилось вместе с тем и своеобразным симптомом роста рабочего самосознания. Подобно ассоциационистским идеям французского утопического социализма, кооперативная идея Оуэна подрывала самый ходкий аргумент буржуазного оправдания капиталистической эксплуатации — теорию о необходимости и незаменимости собственности на средства производства промышленника как руководителя производства, теорию о невозможности иного способа хозяйствования ввиду неспособности рабочих масс к организации и к руководству крупной промышленностью.

Опровергая эту основную мотивировку системы промышленного капитализма и доказывая возможность успешного рабочего хозяйствования, сотрудничества и руководства промышленным производством без фабрикантов и заводчиков, кооперативная идея Оуэна отвечала важнейшей потребности рабочего человека не подчиняться безропотно хозяйскому произволу и диктату, потребности уверовать в собственные силы и творческие возможности. Вследствие этого кооперативная идея как бы вычленилась рабочими из всей оуэновской системы взглядов. Если общие положения оуэновского надклассового коммунистического просветительства, проповедующего общность интересов пролетариата и буржуазии, сталкивались с классовым инстинктом и стихийными антибуржуазными настроениями пролетариата, то кооперативная идея Оуэна могла приобрести самостоятельное существование среди передовых элементов английского рабочего класса.

Лондонские ремесленные рабочие как раз и представляли самую организованную и самостоятельную часть рабочего класса, обладавшую давними традициями инициативной борьбы, и кооперативные проекты стимулировали у них новые проявления самостоятельности и инициативы. Эти идеи и проекты, несмотря на все связанные с ними реформистские иллюзии, поднимали до некоторой степени самосознание рабочих на начальной стадии развития рабочего движения.

Разумеется, рабочие активисты, увлеченные оуэновскими кооперативными идеями, не могли ограничиться их усвоением и восхвалением, они вносили существенные поправки, соответствовавшие рабочим устремлениям. Наиболее действенным был вывод о том, что если оказалось безуспешным унование самого автора кооперативного плана на господствующие классы и убеждающую силу одиночных экспериментов, то, следовательно, рабочим необходимо взять судьбы его плана в свои руки и немедленно приступить к осуществлению, повсеместно учреждая кооперативы,

ведущие к рождению нового общественного строя. Изменения касались не только тактики, но и масштабов и самих ресурсов социального преобразования. Тогда как оуэновский план предусматривал эксперименты с кооперативными коммунистическими колониями, поставленными на широкую ногу и во всеоружии новых производительных сил, рабочее кооперативное движение шло единственно доступным ему путем создания небольших производственных и потребительских кооперативов, умножения количества экспериментов малого масштаба.

Вот почему отношение Оуэна к кооперативному рабочему движению было двойственным. Он был потрясен неожиданным успехом своих идей в рабочей среде, что разжигало у него новые надежды после неудач с «Новой Гармонией». Но он испытывал явный скептицизм в отношении перспектив такого рода кооперативизма. Когда на первом кооперативном конгрессе 1831 г. выдвинут был план дальнейшего развития движения по схеме: создать с помощью рабочих кооперативов в складчину первую объединенную коммунистическую кооперативную общину, затем с ее помощью — вторую и т. д., и т. д., Оуэн публично подверг этот план решительной критике и доказывал совершенную недостаточность столь мизерных средств для коренных социальных преобразований. Тем не менее кооперативный конгресс 1831 г. одобрил этот план, и рабочее кооперативное движение шло своим путем даже тогда, когда на кооперативном конгрессе 1833 г. пришлось констатировать, что незначительность собранных средств вынуждает оставить намеченные проекты.

Все это следует вспомнить, чтобы объяснить развитие идей Оуэна в начале 30-х годов XIX в. Его выступления и сочинения носили многочисленные следы лихорадочной и тревожной работы мысли перед лицом растущих сил рабочего движения. В событиях того времени на родине и в Европе Оуэн усматривал «симптомы великой умственной, нравственной, политической и социальной революции», как характеризовал он впоследствии свои тогдашние умонастроения¹². Несмотря на неудачу американского эксперимента, укреплялась убежденность Оуэна в непосредственной близости социального переворота, который он предсказывал. Вера в этот переворот становилась камертоном его новых выступлений. Они приобретали пророческую тональность отнюдь не вследствие милленаристского «психического состояния» или «настроения», а явились плодом глубокой аналитической мысли, которая сквозила в многочисленных обращениях Оуэна «ко всем классам и слоям общества», доказывавших обреченность существующего неразумного общественного строя и неотвратимость социального переустройства.

В последние недели января 1830 г. Оуэн обращался с посланиями к британской нации, к парламенту, к аристократии, к га-

¹² Р. Оуэн. Избр. соч., т. II. М.— Л., 1950, стр. 302.

зетным издателям, к торговцам, банкирам, промышленникам, сельским хозяевам, к церковникам и военным, к «академикам» (дипломированным юристам, богословам, врачам и т. д.) и ученым¹³. В этих посланиях он призывал всех их сделать соответствующие выводы из надвигающихся неотвратимых общественных перемен. Купцы призывались подготовиться к отказу от своих ошибочных позиций в ложной системе распределения; банкиры — понять, что «время их прошло», поскольку они не создают ни на грош действительного общественного богатства; сельские хозяева призывались перейти к эквивалентному по труду обмену своих излишков на промышленные изделия; промышленники призывались понять, что положение рабочих, ставших рабами непроизводительных классов общества, теперь хуже, чем положение рабов в Вест-Индии; лиц с университетскими дипломами, «торгующих своими знаниями, как товаром», Оуэн предупреждал, что профессии их станут столь же ненужными, как и профессии военных, церковников и богословов. Ученых Оуэн призывал понять, что вскоре будут созданы новые учения о морали и религии, о правительстве, законодательстве, воспитании, а потому будут необходимы новые, отвечающие требованиям разума книги по обучению и воспитанию подрастающего поколения и самые полные своды знаний по наиболее полезным предметам или же их наилучшее изложение. «История прошлых времен также должна быть написана совершенно наново, чтобы служить полезной цели», — указывал Оуэн¹⁴.

Горький осадок от того, что все эти обращения остаются «гласом воиющего в пустыне», не мог сокрушить упований Оуэна на просвещенную и человеколюбивую элиту господствующих классов. Однако ледяное равнодушие тори, вигов и радикалов, поглощенных острейшей борьбой вокруг парламентской реформы, все сильнее поворачивало Оуэна в сторону рабочего движения как возможного главного рычага социальных преобразований по его плану.

Эти новые нотки зазвучали в первых же обращениях Оуэна к промышленным и сельскохозяйственным рабочим, составленных еще в начале 1830 г. Оуэн подчеркнуто декларировал, что рабочие «являются истинными создателями всех тех богатств, какими пользуется Британская империя», и им следует подгото-

¹³ R. Owen. The Adresses of Robert Owen... Preparatory to the Development of a Practical Plan for the Relief of All Classes. London, 1830. Оуэн доказывал, что в новом обществе юристы станут ненужны, так как исчезнут мотивы для преступлений; военные — потому, что исчезнут войны и армии, церковники — так как каждый ребенок в результате воспитания будет сам выполнять 10 заповедей в отношении ближнего; большинство врачей также окажутся излишними, ибо даже дети будут знать анатомию и физиологию человека, благодаря чему удастся предотвратить множество болезней, и врачи понадобятся только при несчастных случаях и самых тяжелых заболеваниях.

¹⁴ Ibidem.

вить себя к преобразованию общества, приобретая для этого необходимые знания. Такие декларации Оуэна дают возможность расшифровать рождавшиеся у него новые мысли и вместе с тем помогают видеть меру их новизны, их границы.

В предшествующие периоды и до конца 20-х годов XIX в. Оуэн видел в рабочих лишь объект социального реформаторства, но не его субъект. Новая мысль Оуэна состояла прежде всего в признании того, что английские рабочие созрели для понимания и усвоения великого открытия «науки о формировании характера» со всеми вытекающими отсюда выводами.

Выводы эти представлялись Оуэну двоякими. Во-первых, рабочие могут и должны приобрести знания, необходимые, чтобы коренным образом изменить существующую общественную систему. Во-вторых, рабочим следует быть более активными на реформаторском поприще, они не должны опасаться, что переворот в человеческих отношениях будет преждевременным. Наоборот, знания убедят рабочих, что радикальный социальный переворот уже назрел и никто не в силах ему воспрепятствовать. Нет сомнения в том, что здесь присутствовала также подспудная мысль, имевшая для Оуэна важнейшее значение: усвоив «науку о формировании характера», рабочие поймут, что господствующие классы так же мало ответственны за свое поведение, как рабочие — за свое, и, следовательно, рабочие поймут несправедливость всяких проявлений классового возмездия, насилия и революционных действий и необходимость мирного преобразования общества в сотрудничестве с просвещенной и разумной буржуазией.

Мысль эта воодушевляла Оуэна, когда в нем зрела решимость сблизиться с рабочим движением, она легла в основу его твердого намерения руководить рабочим движением в целях осуществления кооперативного плана.

В наиболее полном и наиболее конфликтном виде противоречивая роль Оуэна в английском рабочем движении 30-х годов XIX в. выявилась в эпопее его активного сотрудничества с тредюнионистским движением.

При этом неизбежно должны были выявиться противоречия между новыми утопическими упованиями Оуэна и реальной классовой природой рабочего движения. Быстрота, с которой эти противоречия выпли наружу, объясняется накаленной обстановкой тех лет — полосой острейшего революционного кризиса, в которую вступило английское рабочее движение, когда к тяготам экономического кризиса 1829—1831 гг. присоединилась поучительные уроки, преподанные рабочему классу результатами его активного участия в борьбе за парламентскую избирательную реформу в союзе с промышленной буржуазией и под ее руководством. Все это намного сократило срок, который потребовался для проверки оуэновского опыта сотрудничества с рабочим движением. Стремительное развитие этого опыта исчерпало себя в течение менее чем четырех лет.

В короткий промежуток времени 1831—1834 гг. Оуэн проделал путь от создания «меновых базаров» к активному сотрудничеству с тред-юнионистским движением. Он оказал непосредственную помощь растущему стремлению тред-юнионов к объединению в общенациональные профсоюзы и тут же начал осуществлять свою идею преобразования тред-юнионов в производственные организации, которые должны были взять в свои руки дело полной перестройки экономики, создать и наладить кооперативную систему производства внутри капиталистической системы и подготовить таким образом утверждение коммунистического кооперативного строя.

Было бы соблазнительно объяснить стремительное развитие опыта оуэновского сотрудничества с рабочим движением просто тем, что заданные историей бурные темпы развития рабочего движения того времени великий утопист помножал на коэффициент собственного терпения, подогревавшегося симптомами открывшейся его взору мирной социальной революции. Такое объяснение будет недостаточным, если при этом не учитывать также и обратной связи во взаимоотношениях Оуэна с рабочим движением. Сила воздействия на Оуэна фактов реальной действительности объяснялась не только его острой наблюдательностью, но и размышлениями над плодами этой наблюдательности, как того требовала сама логика оуэновского учения о среде и характере. И это учение, и особенности мышления Оуэна не могли не делать его восприимчивым к воздействию рабочего движения в период тесного контакта и общения с рабочим активом.

Никакой идеологический иммунитет к революционным идеям не мог оградить Оуэна от такого воздействия. Можно убедиться в этом, если присмотреться к выступлениям Оуэна на рабочих кооперативных и тред-юнионистских конгрессах 1832—1834 гг. и в прессе.

Во всех этих выступлениях звучала старая оуэновская тема о прекращении «того поражающего кризиса, который вызван в наши дни страданиями трудовых классов»¹⁵. Но появилась и новая мысль. Хотя Оуэн по-прежнему подчеркивал: он добивается, «чтобы высшие и богатые классы, как и прежде, руководили» и «сотрудничали с нами»¹⁶, он все чаще предупреждал их, что если они будут держаться «своего прежнего и нынешнего бесплодного образа действия», то «тогда мы примем меры с целью взять свои дела в собственные руки»¹⁷. Звучание этой новой мысли нарастало у Оуэна в декларациях о том, что «разумные и благонамеренные представители трудовых классов обладают силами и возможностями для осуществления этой великой революции в делах человеческих путем своего объединения и при по-

мощи своих практических знаний, без содействия богатых или высших классов, чьи знания (как, к прискорбию, показывает опыт) мало пригодны для трудовых классов...»¹⁸.

В новых выступлениях конца 1833 г. и начала 1834 г. мысль Оуэна в этих мечущихся формулировках поднималась со ступеньки на ступеньку к выводу о том, что хотя преобразование общества идет в интересах всех, но «рабочие в целом гораздо лучше разбираются в этом вопросе, чем хозяева»¹⁹, что они одни страдают и «они одни в состоянии осуществить преобразование»²⁰, что «было бы совершенно бесполезно ждать чего-нибудь от правительств... им выгодно держать работающие классы в рабстве», тогда как рабочие «подготовлены к тому, чтобы немедленно приступить к собственному освобождению»²¹.

Эскалация этих мыслей свидетельствовала о том, что Оуэну так или иначе передавалось кипящее негодование рабочих масс. Но можно ли объяснить одним негодованием и нетерпением самого Оуэна одобрение им возможности применения всеобщей забастовки тред-юнионов как средства воздействия на правящие классы? Эта революционная угроза оплодотворялась новыми наблюдениями Оуэна, чей взгляд проникал в глубину явлений и обнаруживал там социальные реалии, скрытые было его иллюзиями. Оуэн не мог не раздумывать над классовым антагонизмом пролетариата и буржуазии, остроту которого он вынужден был констатировать: «Я много общался с рабочими, много узнал о них..., я наблюдал очень сильную враждебность в отношениях между хозяевами и рабочими», — признавал Оуэн, выступая в Лидсе в конце 1833 г.²²

Кратковременное сотрудничество Оуэна с рабочим движением не прошло бесследно для воззрений великого утописта. Обращение за помощью к рабочему классу и более широкое конкретное представление о его силах и потенциях вызвали в мыслях Оуэна плодотворные сдвиги.

По меткому выражению В. П. Волгина, выступление в защиту идеи всеобщей забастовки было «лебединой песней Оуэна как деятеля рабочего движения»²³. После того началась ущербная полоса его жизни, обозначившаяся отходом от рабочего движения и прекращением сотрудничества с ним, реакционным и сектантским вырождением оуэнизма, возвратом его к мирной пропаганде «союза всех классов» вокруг кооперативно-коммунистического плана, постановкой новых экспериментов с «внутренними колониями» и выдвиганием на авансцену вопросов «морального совершенствования» людей.

¹⁸ Там же, стр. 290.

¹⁹ Там же, стр. 342.

²⁰ Там же, стр. 341.

²¹ Там же, стр. 350.

²² Там же, стр. 341.

²³ В. П. Волгин. Роберт Оуэн.— В кн.: Р. Оуэн. Избр. соч., т. I, стр. 62.

¹⁵ Р. Оуэн. Избр. соч., т. I, стр. 292.

¹⁶ Там же, стр. 291.

¹⁷ Там же.

Создавая «ассоциации всех классов и наций» для мирной пропаганды кооперативно-коммунистических проектов, Оуэн обращался к «образованнейшим и наипытнейшим людям всех стран» (1839), «к прогрессивным мужчинам и женщинам» (1842), «к самым влиятельным членам общества» (1843) и т. д. Но можно заметить, что Оуэн теперь особенно пристально следил за рабочим движением. В его наивных обращениях «ко всем классам» все настойчивее отмечались симптомы активизации и подъема сознательности рабочих масс.

Историк, изучающий сочинения и послания Оуэна последних десятилетий его жизни, обнаружит в них много новых подчеркиваний таких признаков близкого социального переворота, как рост социальных контрастов и антагонизмов в капиталистическом обществе, как классовые «волнения трудящихся» в Англии, Шотландии и Уэльсе, как распространяющиеся в массах «критическое отношение к действительности» и всеобщее «недовольство всеми формами правительств», как быстрый рост неверия в религиозные оправдания существующих социальных противоречий, как «рост знаний среди низшего класса общества». Оуэн видел во всем этом красноречивое свидетельство того, что существующая социальная система уже изжила себя: «зло подкопано, и корни его обнажились», «в скорлупе невежества» пробита брешь, через которую «свет проник в самые глухие тайники», «свет знания воссиял»²⁴.

В умозаключениях такого рода нетрудно опознать неисправимого приверженца просветительной философии, но историк заметит также, как в просветительном подходе к явлениям жизни у Оуэна все чаще встречаются вкрапления совсем иного происхождения. Несмотря на идеалистические самовнушения, Оуэн еще раз обнаружил свою способность к реалистическим наблюдениям действительности, растущее внимание к рабочему движению порождалось углублением в проблему противоположности интересов труда и капитала.

Этот вывод может показаться странным в отношении великого утописта, остававшегося до конца жизни непоколебимым противником классовой борьбы во всех ее формах, проповедником гармонии правильно понятых интересов пролетариата и буржуазии. Известно, как отрицательно относился Оуэн к чартистскому движению, считая бесполезной и вредной политическую борьбу рабочих, отвлекающую их от спасительных рецептов кооперативно-коммунистического реформаторства. Тем не менее мы убеждаемся в том, что такой твердый сторонник аргументации от практики, от неоспоримых фактов, как Оуэн, не мог остаться непроницаемым перед явлю чартистского движения. Все несогласие с ним не помешало Оуэну среди многих ошибочных выводов сделать один верный. Размышления его протекали как бы на двух

²⁴ Р. Оуэн. Избр. соч., т. II, стр. 87—90, 93, 99.

уровнях. На одном Оуэн осуждал рабочих за то, что они отвернулись от мирного кооперативного плана и «склонны теперь к невежественному, себялюбивому индивидуализму, в высшей степени вредному для всех... Поэтому все их ложные ассоциации идей и проистекающие отсюда зловредные навыки должны подвергнуться изменению»²⁵. Но плодотворнее был новый уровень суждений Оуэна о противоречиях труда и капитала.

В его размышления на эту тему мощно врывается материалистический историзм, и мы вряд ли ошибемся, если проведем прямую соединительную нить между новым взлетом историзма у Оуэна и его контактами с рабочим движением. Нам представляется, что именно новые наблюдения и размышления о нем заставляли Оуэна внести существенные поправки в прежние представления о взаимоотношениях труда и капитала. Отвечая самому себе на вопрос о необходимости таких поправок, Оуэн волей-неволей должен был связать их с переменами в классовых отношениях в фабричной системе, вызванными ее развитием. Это давало новый толчок идеям Оуэна, вносящим драгоценный вклад в развитие исторических взглядов на капитализм.

Чтобы оценить в должной мере новую творческую смелость Оуэна, следует вспомнить, что его просветительному мировоззрению в сущности историзм был противопоказан. В философско-исторических идеях Оуэна доминировало унаследованное от XVIII в. деление человеческой истории на века невежества и незнания законов человеческой природы, на которых зиждется общество, и грядущие века разумного строя, основанного на знаниях. Но и здесь Оуэн дал яркий пример того, как социалист-утопист, если он мужественный мыслитель и вдумчивый наблюдатель исторической действительности, не может не вырваться из оков априорного антиисторизма и поднимается подчас до историко-материалистических умозаключений.

Маркс во время своего первого приезда в Англию, в августе 1845 г., провел много часов в Чатамской библиотеке в Манчестере. Там он с огромным интересом изучил изданные Оуэном в 1837 г. «Шесть лекций, прочитанных в Манчестере». Маркс выписал из этих лекций следующие замечательные образцы оуэновского историзма в размышлениях о капитализме. «До введения химической и механической фабричной системы... имелось множество мелких хозяев, каждый из них нанимал несколько поденщиков, которые надеялись в будущем также стать хозяйчиками. Они обычно ели за одним столом и жили вместе; в их среде царили дух и чувство равенства. Начиная с того периода, когда в производстве стали широко применять мощь науки, в этом отношении постепенно наступила перемена... Ясно, что пока сохраняются современная структура общества и современный способ руководства деловой жизнью, мелкие хозяева будут все больше и больше вы-

²⁵ Р. Оуэн. Избр. соч., т. II, стр. 186.

тесняться владельцами крупных капиталов и что прежнее, сравнительно счастливое равенство производителей должно уступить место величайшему неравенству хозяев и рабочих, какого до сих пор не встречалось в истории человечества. Крупный капиталист теперь возвысился до положения надменного лорда; косвенно он распоряжается по своему усмотрению здоровьем, жизнью и смертью своих рабов. Таковую власть он получает посредством комбинации с другими крупными капиталистами, имеющими с ним общие интересы, и, таким образом, успешно заставляет выполнять свою волю тех, кого он нанимает... Он приобрел власть благодаря своему богатству»²⁶.

Приходя к заключению о закономерном углублении классового антагонизма пролетариата и буржуазии, Оуэн делал и другой важнейший вывод: «Эти изменения происходят согласно законам природы и являются подготовительными и необходимыми ступенями, ведущими к великой и важной социальной революции, которая приближается. Без крупных капиталов нельзя было бы основать крупных предприятий; нельзя было бы заставить людей понять осуществимость [гораздо более совершенной организации общества...] Именно эта новая химическая и механическая фабричная система развивает теперь способности людей и подготавливает их к пониманию и принятию иных принципов и иной практики, а тем самым — к осуществлению благодетельнейшей перемены в [человеческих] делах, какой еще не знал свет. Именно эта новая фабричная система и создает теперь необходимость иной и более высокой структуры общества»²⁷.

Маркс подчеркнул глубокий историзм этих мыслей Оуэна в следующей характеристике их: «Оуэн говорит о разнице между рабочими и капиталистами, которую капитал создает своим ростом (и более широким распространением, которого он достигает лишь в крупной промышленности, связанной с развитием основного капитала); вместе с тем он объявляет развитие капитала необходимым условием для преобразования общества»²⁸. В этих двух положениях Маркс видел драгоценную суть всех шести лекций Оуэна. Своим выпискам из них он дал общий заголовок: «Исторический взгляд Оуэна на промышленное (капиталистическое) производство»²⁹.

Внимание исследователя оуэновских идей привлечет то обстоятельство, что Маркс вносил без изменения эти записи 1845 г. об Оуэне в свою экономическую рукопись 1857—1858 гг. Неизменность оценок не может быть объяснена впечатлениями от одной

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 222—223. Выписки Маркса делались из произведения: R. Owen. Six Lectures Delivered in Manchester Previously to the Discussion between Mr. Robert Owen and the Rev. J. H. Roebuck. Manchester, 1837, p. 56—57.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 223.

²⁸ Там же, стр. 222.

²⁹ Там же.

работы Оуэна. Маркс несомненно учитывал тот примечательный факт, что в данном вопросе мысль Оуэна не отступила ни перед осуждением чартизма, ни перед критикой революций 1848 г., а, наоборот, еще более окрепла после этих событий. Маркс имел возможность отметить это в статье, опубликованной в «Нью-Йорк Дейли Трибюн» в 1854 г.

Рассказав в своей очередной корреспонденции о попытке английского буржуазно-просветительного и филантропического «Общества искусств и ремесел» противодействовать новому подъему массового стачечного движения в Англии и сорвать подготовку чартистами «Рабочего парламента», Маркс остановил внимание читателей на том факте, что на этот раз союзником чартистов выступил Р. Оуэн. После того как Э. Джонсу не дали говорить на собрании этого «общества искусств и надувательства», как назвал его Маркс, и революционные чартисты демонстративно покинули собрание, Оуэн горячо выступил в поддержку чартистской критики куцых и межеумочных «филантропических» реформ и кажущегося «посредничества» между капиталом и трудом. Главную мысль выступления Оуэна Маркс изложил следующим образом: «Старик Роберт Оуэн заявил просвещенным джентльменам, что никаким арбитражем, никакими уловками или хитростью никогда не удастся заполнить пропасть, разделяющую два больших основных класса как в Англии, так и в любой другой стране»³⁰.

Такой положительный отклик Маркса на позицию Оуэна не был лишь эпизодом публицистики, навеянным обстоятельствами времени. Обращает на себя внимание, что в «Капитале» Оуэну было уделено гораздо больше внимания, чем Фурье и Сен-Симону. Автор «Капитала» коснулся различий между ними и подчеркнул превосходство Оуэна над великими французскими утопистами в глубине понимания противоположности труда и капитала³¹. Энгельс в примечании к этому месту из третьего тома «Капитала» оговаривал, что при переработке рукописи Маркс сильно изменил бы свое суждение о Сен-Симоне, но тут же выразил свое полное согласие с Марксом в том, что в вопросе о примирении капитала и труда у Оуэна действительно имелось преимущество: «Оуэн в этом пункте был более глубоким», писал Энгельс, ибо «он жил в другой обстановке, в период промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоположностей»³².

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 61. Выступление Р. Оуэна было подробнее изложено в чартистской «People's Paper» (от 4 февраля 1854 г.) и опубликовано полностью в газете «Leader». На обстоятельстве этого выступления Р. Оуэна и его оценку Марксом обратила внимание В. Э. Кунина (см. «Научно-информационный бюллетень» сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС, 1959, № 3).

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 154—155.

³² Там же, стр. 155.

У большого числа историков социализма нашла поддержку распространённая оценка Оуэна как социалиста-утописта практической складки, не обладавшего обширной образованностью и учёностью, не блиставшего философской глубиной и не отличавшегося оригинальностью мысли великих французских утопистов. Мы могли убедиться в том, что под тяжестью этих многочисленных «не» получает искажённое отображение подлинный образ великого английского социалиста. Он был глубоким мыслителем, обладавшим сильным умом и смелым мышлением, аналитическим творческим дарованием, зорким историческим глазомером и необычайно вдумчивым отношением к действительности. Поэтому историческая оценка Оуэна не может не включить характеристики его Энгельсом, который, вопреки всякому перетолкованию известных указаний на «деловой» и «практический» характер оуэновского коммунизма, считал, что Оуэн занимает полноправное место в числе трех великих социалистов-утопистов и, следовательно, к нему полностью относится признание огромности исканий мыслителя, который, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм своего учения, принадлежит «к величайшим умам всех времен...»³³.

Историческая оценка Оуэна не может не включить в себя также проникновенной характеристики его «сильной природы», которую давал Маркс, говоривший о людях типа Оуэна, что они, «раз вступив на революционный путь, даже из поражений всегда черпали новые силы и становились тем решительнее, чем дольше они плыли в потоке истории»³⁴. Говоря о «революционном пути» Оуэна, Маркс, конечно, не превращал его в революционера, а имел в виду то, что Оуэн ставил по-революционному проблему общественного преобразования. Он был человеком страстных революционных мечтаний, сильно раздвинувшим горизонты и перспективы социализма и в большой степени приблизившим его идеи к жизни. Нет ничего фальшивее усилий лейбористских историков, например Дж. Коула, изобразить Оуэна предвестником и чуть ли не первооснователем лейбористского социализма. В действительности идеи Оуэна решительно отличались от реформистской постепенщины фабианско-лейбористского «социализма», вылившегося в развернутые планы улучшения капитализма. Напротив, Оуэн настаивал на последовательном коммунистическом обобществлении средств производства, он категорически отвергал «только частичные изменения в общественной системе» и доказывал, что она «либо должна быть сохранена вместе с вызываемыми ею страданиями, бедствиями, борьбой, падением, бесчисленными смятениями и замешательствами, либо должна быть целиком устранена, чтобы очистить место для новой системы...»³⁵.

Пресловутое родство Оуэна с лейбористским «социализмом» выглядит более реалистически в свете того печального факта, что и после четырехкратного пребывания у власти в Англии лейбористских правительств могила Оуэна на его родине в городке Ньютаун, куда прѣехал умирать великий утопист, находится по-прежнему в запущенном состоянии, а надпись на этой могиле, преднамеренно искажающая и принижающая историческое значение его идей, гласит: «Роберт Оуэн — филантроп» (?!)³⁶. Разве не показывает это наглядно, какое важное значение приобретают в Англии настойчивые и плодотворные усилия ее прогрессивных историков, А. Л. Мортон и других, направленные на то, чтобы разъяснить трудящимся народным массам действительную историческую роль Р. Оуэна?

Тем важнее представляется задача историков социализма — показать во весь рост великого английского социалиста и мыслителя. Разумеется, будь наше исследование и втрое обширнее, оно не сняло бы этой задачи, требующей коллективных усилий историков-марксистов.

³⁶ См. «Bulletin of the Society for the Study of Labor History», № 22, 1971.

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

³³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 498—499.

³⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 434.

³⁵ *Р. Оуэн*. Избр. соч., т. II, стр. 31.